

КНИГА ЗА КНИГОЙ

В. А. Жуковский

СКАЗКА

**ОБ ИВАНЕ ЦАРЕВИЧЕ
И СЕРОМ ВОЛКЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**СКАЗКА
ОБ ИВАНЕ ЦАРЕВИЧЕ
И СЕРОМ ВОЛКЕ**

**Издательство
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
Москва 1968**

Р1
Ж86

Рисунки В. Власова

7—6—2

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ
(1783—1852)

*Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки.*

*Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?*

Эти стихи были написаны тридцатилетним поручиком Василием Андреевичем Жуковским в 1812 г.

Вступив в ополчение за несколько дней до Бородинской битвы, он не участвовал в сражении. Московское ополчение оказалось в резерве армии. Но он слышал отзвуки боя и не мог не воодушевиться всем, что видел.

Эти строки из стихотворения «Певец во стане русских воинов» прославили Жуковского на всю Россию.

Но и до этого в образованной, дворянской среде Жуковский уже был известен своими стихами и переводами.

Владея английским и немецким языками, как своим родным, Жуковский «воссоздал» для русских читателей поэзию Англии и особенно Германии.

Жуковский настолько тонко улавливал настроение иностранных поэтов и с таким блеском, как равный, передавал на русском языке художественную мысль, что перевод приобретал качества подлинника.

А в своих собственных произведениях Жуковский принёс в русскую литературу изящный, музыкальный стих, чистый, образный и сильный язык.

В своих стихах он говорит о любви к Родине, о страсти к поэзии, о труде как высшем наслаждении, целителе всех душевных недугов.

Поэзия, по словам Жуковского, «принадлежит к народному воспитанию» и является «службою отечеству».

Сам Жуковский на этой службе трудился отлично.

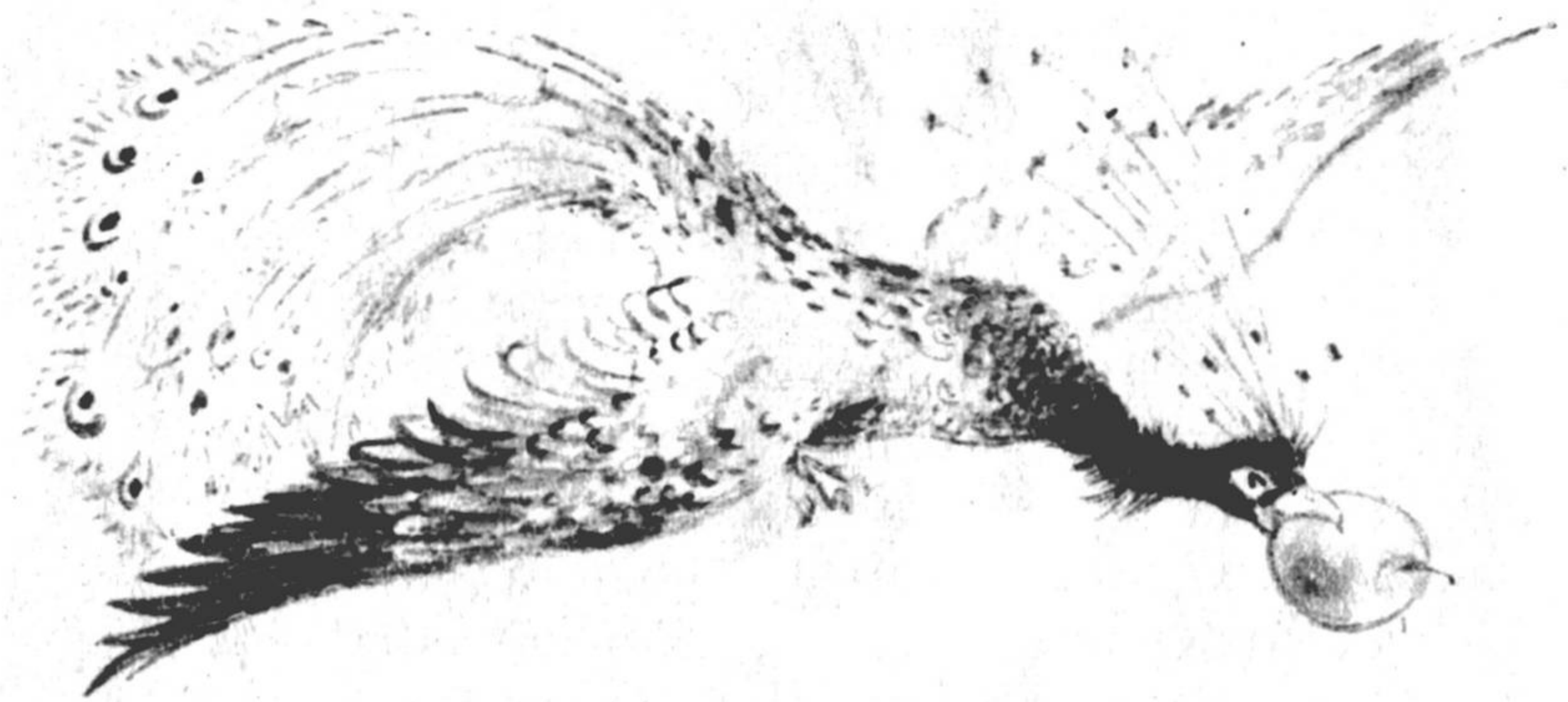
Недаром Пушкин называл его «кормилицей» русской поэзии.

Но Жуковский был не только хорошим поэтом — он был замечательным человеком. Современники любили его, а Пушкин говорил о его «небесной душе».

Как воспитатель царского сына, Жуковский, часто навлекая на себя гнев царя, просил о смягчении участи декабристов, просил за А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. И. Герцена, архитектора А. Л. Витберга и др. Он помог выкупить из крепостной неволи поэта Т. Г. Шевченко.

В 1822 году Жуковский освободил своих крепостных.

«Сказку об Иване царевиче и Сером Волке», которую мы печатаем в этой книге, В. А. Жуковский написал в 1845 году.

Давным-давно был в некотором царстве
Могучий царь, по имени Демьян
Данилович. Он царствовал премудро;
И было у него три сына: Клим
Царевич, Пётр царевич и Иван
Царевич. Да ещё был у него
Прекрасный сад, и чудная росла
В саду том яблоня; всё золотые
Родились яблоки на ней. Но вдруг
В тех яблоках царёвых оказался
Великий недочёт; и царь Демьян
Данилович был так тем опечален,
Что похудел, лишился аппетита
И впал в бессонницу. Вот наконец,
Призвав к себе своих трёх сыновей,
Он им сказал: «Сердечные друзья
И сыновья мои родные, Клим
Царевич, Пётр царевич и Иван
Царевич, должно вам теперь большую
Услугу оказать мне; в царский сад мой
Повадился таскаться ночью вор;
И золотых уж очень много яблок
Пропало; для меня ж пропажа эта

Тошнее смерти. Слушайте, друзья:
Тому из вас, кому поймать удастся
Под яблоней ночного вора, я
Отдам при жизни половину царства;
Когда ж умру, и всё ему оставлю
В наследство». Сыновья, услышав то,
Что им сказал отец, уговорились
Поочерёдно в сад ходить и ночь
Не спать и вора сторожить. И первый
Пошёл, как скоро ночь настала, Клим
Царевич в сад, и там залёг в густую
Траву под яблоней, и с полчаса
В ней пролежал, да и заснул так крепко,
Что полдень был, когда, глаза продрав,
Он поднялся, во весь зевая рот.
И, возвратясь, царю Демьяну он
Сказал, что вор в ту ночь не приходил.
Другая ночь настала; Пётр царевич
Сел сторожить под яблонею вора;
Он целый час крепился, в темноту
Во все глаза глядел, но в темноте
Всё было пусто; наконец и он,
Не одолев дремоты, повалился
В траву и захрапел на целый сад.
Давно был день, когда проснулся он.
Пришед к царю, ему донёс он так же,
Как Клим царевич, что и в эту ночь
Красть царских яблок вор не приходил.
На третью ночь отправился Иван
Царевич в сад по очереди вора
Стеречь. Под яблоней он притаился,
Сидел не шевелясь, глядел прилежно
И не дремал; и вот, когда настала
Глухая полночь, сад весь облеснуло
Как будто молнией; и что же видит
Иван царевич? От востока быстро
Летит жар-птица, огненной звездой

Блестя и в день преобращая ночь.
Прижавшись к яблоне, Иван царевич
Сидит, не движется, не дышит, ждёт,
Что будет? Сев на яблоню, жар-птица
За дело принялась и нарвала
С десятков яблок. Тут Иван царевич,
Тихохонько поднявшись из травы,
Схватил за хвост воровку; уронив
На землю яблоки, она рванулась
Всей силою и вырвала из рук
Царевича свой хвост, и улетела;
Однако у него в руках одно
Перо осталось, и такой был блеск
От этого пера, что целый сад
Казался огненным. К царю Демьяну
Пришед, Иван царевич доложил
Ему, что вор нашёлся и что этот
Вор был не человек, а птица; в знак же,
Что правду он сказал, Иван царевич
Почтительно царю Демьяну подал
Перо, которое он из хвоста
У вора вырвал. С радости отец
Его расцеловал. С тех пор не стали
Красть яблок золотых, и царь Демьян
Развеселился, пополнил и начал
По-прежнему есть, пить и спать. Но в нём
Желанье сильное зажглось: добыть
Воровку яблок, чудную жар-птицу.
Призвав к себе двух старших сыновей,
«Друзья мои, — сказал он, — Клим царевич
И Пётр царевич, вам уже давно
Пора людей увидеть и себя
Им показать. С моим благословеньем
И с помощью господней поезжайте
На подвиги и наживите честь
Себе и славу; мне ж, царю, достаньте
Жар-птицу; кто из вас её достанет,

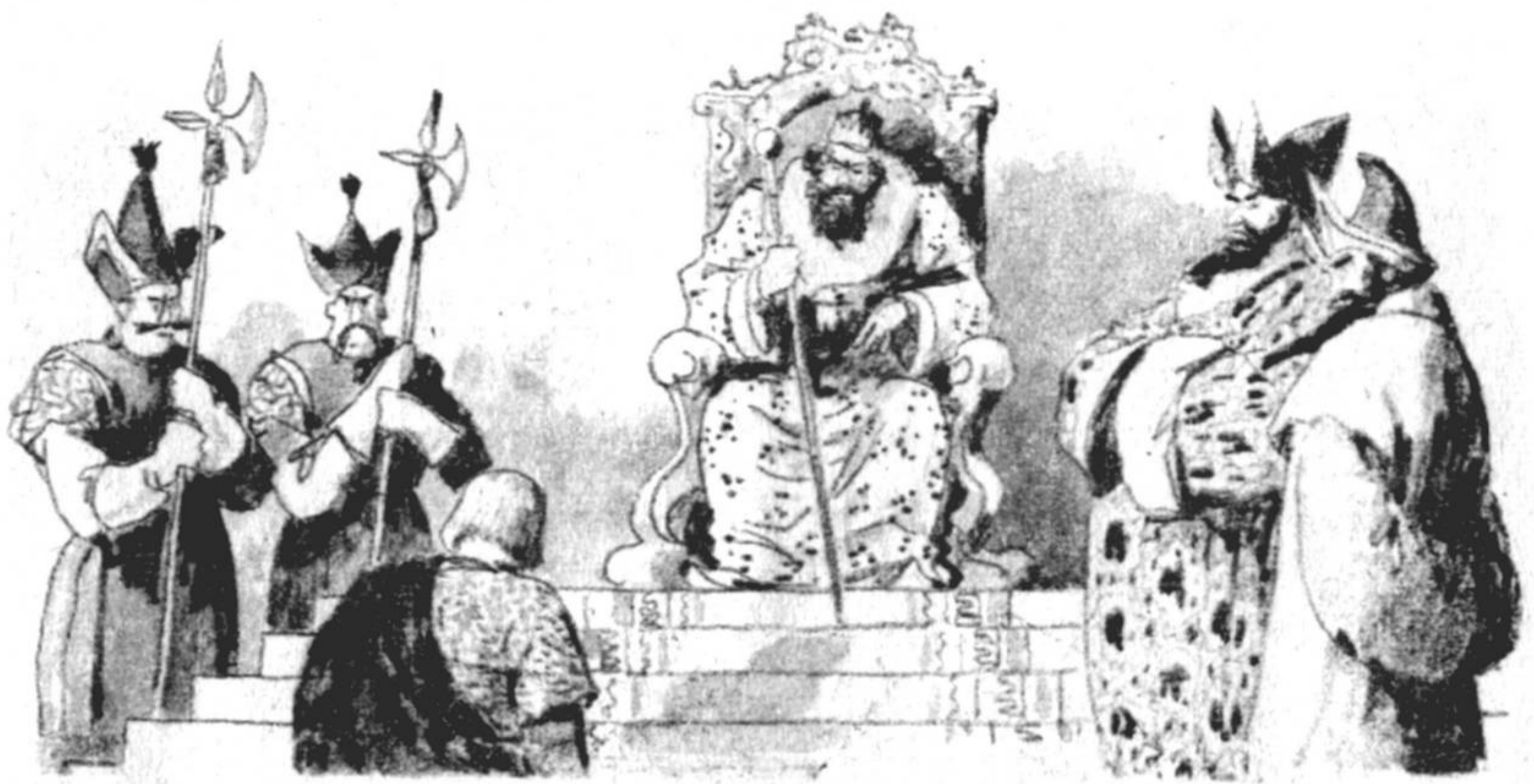
Тому при жизни я отдам полцарства,
А после смерти всё ему оставлю
В наследство». Поклонясь царю, немедля
Царевичи отправились в дорогу.
Немного времени спустя пришёл
К царю Иван царевич и сказал:
«Родитель мой, великий государь
Демьян Данилович, позволь мне ехать
За братьями; и мне пора людей
Увидеть и себя им показать,
И честь себе нажить от них и славу.
Да и тебе, царю, я угодить
Желал бы, для тебя достав жар-птицу.
Родительское мне благословенье
Дай и позволь пуститься в путь мой с богом».
На это царь сказал: «Иван царевич,
Ещё ты молод, погоди; твоя
Пора придёт; теперь же ты меня
Не покидай; я стар, уж мне недолго
На свете жить; а если я один
Умру, то на кого покину свой
Народ и царство?» Но Иван царевич
Был так упрям, что напоследок царь
И нехотя его благословил.
И в путь отправился Иван царевич;
И ехал, ехал, и приехал к месту,
Где разделялася дорога на три.
Он на распутье том увидел столб,
А на столбе такую надпись: *«Кто
Поедет прямо, будет всю дорогу
И голоден и холоден; кто вправо
Поедет, будет жив, да конь его
Умрёт, а влево кто поедет, сам
Умрёт, да конь его жив будет»*.
Вправо, подумавши, поворотить решился
Иван царевич. Он недолго ехал;
Вдруг выбежал из леса Серый Волк

И кинулся свирепо на коня;
И не успел Иван царевич взяться
За меч, как был уж конь заеден,
И Серый Волк пропал. Иван царевич,
Повесив голову, пошёл тихонько
Пешком; но шёл недолго; перед ним
По-прежнему явился Серый Волк
И человеческим голосом сказал:
«Мне жаль, Иван царевич, мой сердечный,
Что твоего я доброго коня
Заел, но ты ведь сам, конечно, видел,
Что на столбу написано; тому
Так следовало быть; однако ж ты
Свою печаль забудь и на меня
Садись; тебе я верою и правдой
Служить отныне буду. Ну, скажи же,
Куда теперь ты едешь и зачем?»
И Серому Иван царевич Волку
Всё рассказал. А Серый Волк ему
Ответствовал: «Где отыскать жар-птицу,
Я знаю; ну, садися на меня,
Иван царевич, и поедем с богом».
И Серый Волк быстрее всякой птицы
Помчался с седоком, и с ним он в полночь
У каменной стены остановился.
«Приехали, Иван царевич! — Волк
Сказал, — но слушай, в клетке золотой
За этою оградой висит
Жар-птица; ты её из клетки
Достань тихонько, клетки же отнюдь
Не трогай: попадёшь в беду». Иван
Царевич перелез через ограду;
За ней в саду увидел он жар-птицу
В богатой клетке золотой, и сад
Был освещён, как будто солнцем.
Вынув из клетки золотой жар-птицу, он
Подумал: в чём же мне её везти?

И, позабыв, что Серый Волк ему
Советовал, взял клетку; но отсюда
Проведены к ней были струны; громкий
Поднялся звон, и сторожа проснулись,
И в сад сбежались, и в саду Ивана
Царевича схватили, и к царю
Представили, а царь (он назывался
Далматом) так сказал: «Откуда ты?
И кто ты?» — «Я Иван царевич; мой
Отец, Демьян Данилович, владеет
Великим, сильным государством; ваша
Жар-птица по ночам летать в наш сад
Повадилась, чтоб золотые красть
Там яблоки: за ней меня послал
Родитель мой, великий государь
Демьян Данилович». На это царь
Далмат сказал: «Царевич ты иль нет,
Того не знаю я; но если правду
Сказал ты, то не царским ремеслом
Ты промыляешь; мог бы прямо мне
Сказать: отдай мне, царь Далмат, жар-птицу,
И я тебе её руками б отдал
Во уважение того, что царь
Демьян Данилович, столь знаменитый
Своей премудростью, тебе отец.
Но слушай, я тебе мою жар-птицу
Охотно уступлю, когда ты сам
Достанешь мне коня Золотогрива;
Принадлежит могучему царю
Афрону он. За тридевять земель
Ты в тридесятое отправься царство
И у могучего царя Афрона
Мне выпроси коня Золотогрива
Иль хитростью какой его достань.
Когда ж ко мне с конём не возвратишься,
То по всему расславлю свету я,
Что ты не царский сын, а вор; и будет

Тогда тебе великий срам и стыд». Повесив голову, Иван царевич Пошёл туда, где был им Серый Волк Оставлен. Серый Волк ему сказал. «Напрасно же меня, Иван царевич, Ты не послушался; но пособить Уж нечем; будь вперёд умней; поедем За тридевять земель к царю Афрону». И Серый Волк быстрее всякой птицы Помчался с седоком; и к ночи в царство Царя Афона прибыли они, И у дверей конюшни царской там Остановились. «Ну, Иван царевич, Послушай, — Серый Волк сказал, — войди В конюшню; конюхы спят крепко; ты Легко из стойла выведешь коня Золотогрива; только не бери Его уздечки; снова попадёшь в беду». В конюшню царскую Иван царевич Вошёл, и вывел он коня из стойла; Но на беду, взглянувши на уздечку, Прельстился ею так, что позабыл Совсем о том, что Серый Волк сказал, И снял с гвоздя уздечку. Но и к ней Проведены отсюда были струны; Всё зазвенело; конюха вскочили; И был с конём Иван царевич пойман, И привели его к царю Афрону, И царь Афон спросил сурово: «Кто ты?» Ему Иван царевич то ж в ответ Сказал, что и царю Далмату. Царь Афон ответствовал: «Хороший ты Царевич! Так ли должно поступать Царевичам? И царское ли дело Шататься по ночам и воровать Коней? С тебя я буйную бы мог Снять голову; но молодость твою

Мне жалко погубить; да и коня
Золотогрива дать я соглашусь,
Лишь поезжай за тридевять земель,
Ты в тридесятое отсюда царство,
Да привези оттуда мне царевну,
Прекрасную Елену, дочь царя
Могучего Касима; если ж мне
Её не привезёшь, то я везде расславлю,
Что ты ночной бродяга, плут и вор».
Опять, повесив голову, пошёл
Туда Иван царевич, где его
Ждал Серый Волк. И Серый Волк сказал:
«Ой ты, Иван царевич! Если б я
Тебя так не любил, здесь моего бы
И духу не было. Ну, полно охать,
Садися на меня, поедем с богом
За тридевять земель к царю Касиму;
Теперь моё, а не твоё уж дело».
И Серый Волк опять скакать с Иваном
Царевичем пустился. Вот они
Проехали уж тридевять земель,
И вот они уж в тридесятом царстве;
И Серый Волк, ссадив с себя Ивана
Царевича, сказал: «Недалеко

Отсюда царский сад; туда один
Пойду я; ты ж меня дождись под этим
Зелёным дубом». Серый Волк пошёл,
И перелез через ограду сада,
И закопался в куст, и там лежал
Не шевелясь. Прекрасная Елена
Касимовна — с ней красные девицы,
И мамушки и нянюшки — пошла
Прогуливаться в сад; а Серый Волк
Того и ждал: приметив, что царевна,
От прочих отделяясь, шла одна,
Он выскочил из-под куста, схватил
Царевну, за спину её свою
Закинул и давай бог ноги. Страшный
Крик подняли и красные девицы,
И мамушки и нянюшки; и весь
Сбежался двор¹, министры, камергеры²
И генералы; царь велел собрать
Охотников и всех спустить своих
Собак борзых и гончих — всё напрасно:
Уж Серый Волк с царевной и с Иваном
Царевичем был далеко, и след
Давно простыл; царевна же лежала
Без всякого движенья у Ивана
Царевича в руках (так Серый Волк
Её сердечную перепугал).
Вот понемногу начала она
Входить в себя, пошевелилась, глазки
Прекрасные открыла и, совсем
Очнувшись, подняла их на Ивана
Царевича и покраснела вся,
Как роза алая; и с ней Иван
Царевич покраснел, и в этот миг
Она и он друг друга полюбили

¹ Д в о р — здесь: придворные, служащие во дворце.

² К а м е р г е р — почётное звание, которое давалось некоторым дворянам, служившим при дворе.

Так сильно, что ни в сказке рассказать,
Ни описать пером того не можно.
И впал в глубокую печаль Иван
Царевич: крепко, крепко не хотелось
С царевною Еленою ему
Расстаться и её отдать царю
Афрону; да и ей самой то было
Страшнее смерти. Серый Волк, заметив
Их горе, так сказал: «Иван царевич,
Изволишь ты кручиниться напрасно;
Я помогу твоей кручине: это
Не служба — службишка; прямая служба
Ждёт впереди». И вот они уж в царстве
Царя Афона. Серый Волк сказал:
«Иван царевич, здесь должны умненько
Мы поступить: я превращусь в царевну;
А ты со мной явись к царю Афрону,
Меня ему отдай и, получив
Коня Золотогрива, поезжай вперед
С Еленою Касимовной; меня вы
Дождитесь в скрытном месте; ждать же вам
Не будет скучно». Тут, ударясь оземь,
Стал Серый Волк царевною Еленой
Касимовной. Иван Царевич, сдав
Его с рук на руки царю Афрону
И получив коня Золотогрива,
На том коне стрелой пустился в лес,
Где настоящая его ждала
Царевна. Во дворце ж царя Афона
Тем временем готовилась свадьба:
И в тот же день с невестой царь к венцу
Пошёл; когда же их перевенчали
И молодой был должен молодую
Поцеловать, губами царь Афон
С шершавою столкнулся волчьей мордой,
И эта морда за нос укусила
Царя, и не жену перед собой

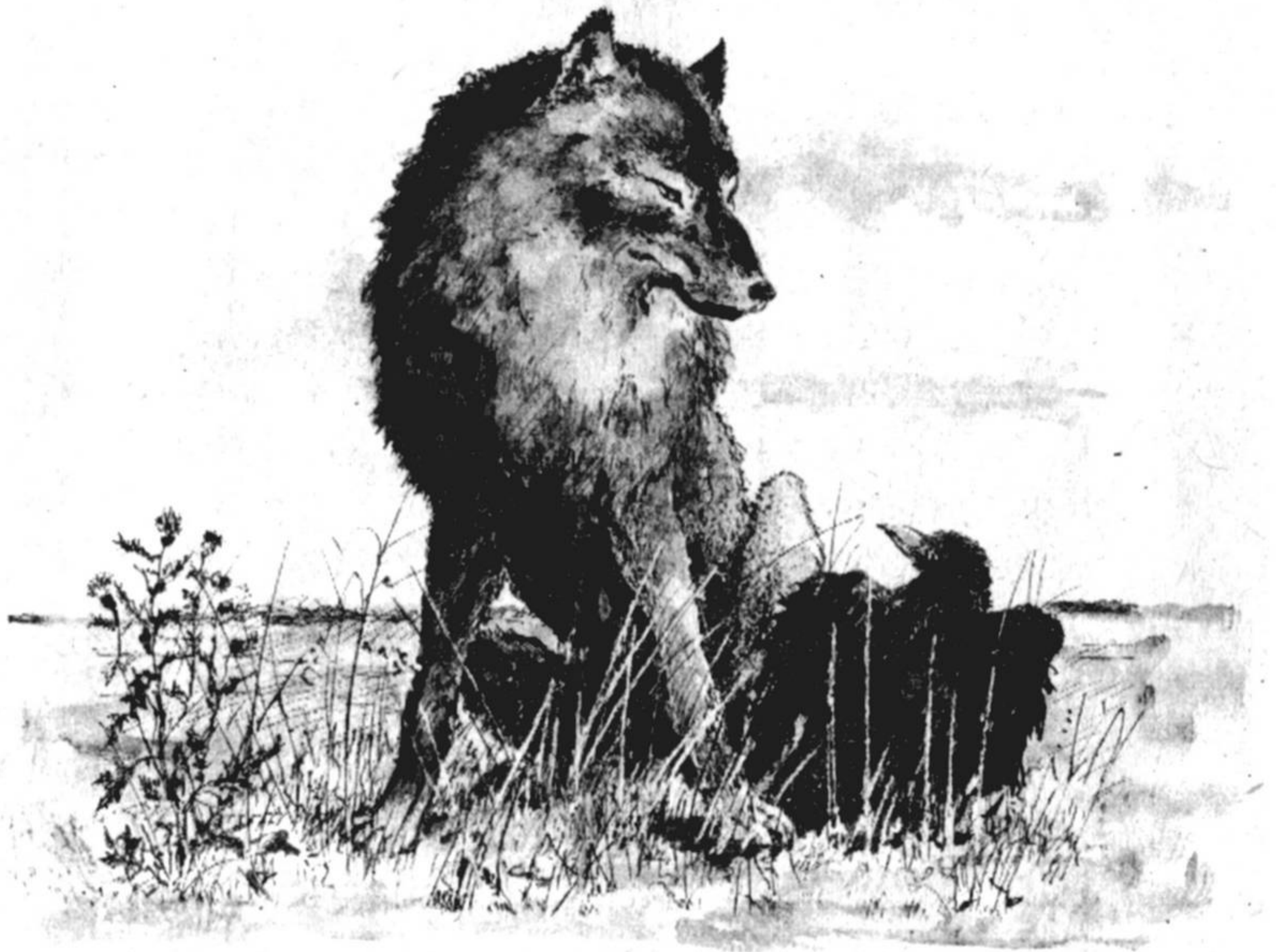
Красавицу, а волка царь Афрон
Увидел; Серый Волк недолго стал
Тут церемониться: он сбил хвостом
Царя Афрона с ног и прынул в двери.
Все принялись кричать: «Держи, держи!
Лови, лови!» Куда ты! Уж Ивана
Царевича с царевною Еленой
Давно догнал проворный Серый Волк;
И уж, сошед с коня Золотогрива,
Иван царевич пересел на Волка,
И уж вперёд они опять, как вихри,
Летели. Вот приехали и в царство
Далматово они. И Серый Волк
Сказал: «В коня Золотогрива

Я превращусь, а ты, Иван царевич,
Меня отдав царю и взяв жар-птицу,
По-прежнему с царевною Еленой
Ступай вперёд; я скоро догоню вас».
Так всё и сделалось, как Волк устроил.
Немедленно велел Золотогрива
Царь оседлать и выехал на нём
Он с свитою придворной на охоту;
И впереди у всех он поскакал
За зайцем; все придворные кричали:
«Как молодецки скачет царь Далмат!»
Но вдруг из-под него на всём скаку
Юркнёл шершавый волк, и царь Далмат,
Перекувырнувшись с его спины,
Вмиг очутился головою вниз,
Ногами вверх и, по плеча ушедши
В распаханную землю, упирался
В неё руками и, напрасно силясь
Освободиться, в воздухе болтал
Ногами; вся к нему тут свита
Скакать пустилася; освободили
Царя; потом все принялись громко
Кричать: «Лови, лови! Трави, трави!»
Но было некого травить; на Волке
Уже по-прежнему сидел Иван
Царевич; на коне ж Золотогриве
Царевна, и под ней Золотогрив
Гордился и плясал; не торопясь,
Большой дорогою они шажком
Тихонько ехали; и мало ль, долго ль
Их длилася дорога — наконец
Они доехали до места, где Иван
Царевич Серым Волком в первый раз
Был встречен; и ещё лежали там
Его коня белеющие кости;
И Серый Волк, вздохнув, сказал Ивану
Царевичу: «Теперь, Иван царевич,

Пришла пора друг друга нам покинуть;
Я верою и правдою доныне
Тебе служил и ласкою твоею
Доволен, и, покуда жив, тебя
Не позабуду; здесь же на прощанье
Хочу тебе совет полезный дать:
Будь осторожен, люди злы; и братьям
Родным не верь. Молю усердно бога,
Чтоб ты домой доехал без беды
И чтоб меня обрадовал приятным
Известьем о себе. Прости, Иван
Царевич». С этим словом Волк исчез.
Погоревав о нём, Иван царевич
С царевною Еленой на седле,
С жар-птицей в клетке за плечами, дале
Поехал на коне Золотогриве,
И ехали они дня три, четыре;
И вот, подъехавши к границе царства,
Где властвовал премудрый царь Демьян
Данилович, увидели богатый
Шатёр, разбитый на лугу зелёном;
И из шатра к ним вышли... кто же? Клим
И Пётр царевичи. Иван царевич
Был встречею такую несказанно
Обрадован; а братьям в сердце зависть
Змеёй вползла, когда они жар-птицу
С царевною Еленой у Ивана
Царевича увидели в руках:
Была им мысль несносна показаться
Без ничего к отцу, тогда как брат
Меньшой воротится к нему с жар-птицей,
С прекрасною невестой и с конём
Золотогривом, и ещё получит
Полцарства по приезде; а когда
Отец умрёт, и всё возьмёт в наследство.
И вот они замыслили злодейство:
Вид дружеский принявши, пригласили

Они в шатёр свой отдохнуть Ивана
Царевича с царевною Еленой
Прекрасною. Без подозренья оба
Вошли в шатёр. Иван царевич, долгой
Дорогой утомлённый, лёг и скоро
Заснул глубоким сном; того и ждали
Злодеи братья: мигом острый меч
Они ему вонзили в грудь, и в поле
Его оставили, и, взяв царевну,
Жар-птицу и коня Золотогрива,
Как добрые, отправились в путь.
А между тем, недвижим, бездыханен,
Облитый кровью, на поле широком
Лежал Иван царевич. Так прошёл
Весь день; уже склоняться начинало
На запад солнце; поле было пусто;
И уж над мёртвым с чёрным воронёнком
Носился, каркая и распутивши
Широко крылья, хищный ворон. Вдруг,
Откуда ни возьмись, явился Серый
Волк: он, беду великую почуяв,
На помощь подоспел; ещё б минута,
И было б поздно. Угадав, какой
Был умысел у ворона, он дал
Ему на мёртвое спуститься тело;
И только тот спустился, разом цап
Его за хвост; закаркал старый ворон.
«Пусти меня на волю, Серый Волк», —
Кричал он. «Не пущу, — тот отвечал, —
Пока не принесёт твой воронёнок
Живой и мёртвой мне воды!» И ворон
Велел лететь скорее воронёнку
За мёртвою и за живой водою.
Сын полетел, а Серый Волк, отца
Порядком скомкав, с ним весьма учтиво
Стал разговаривать, и старый ворон
Довольно мог ему порассказать

О том, что он видал в свой долгий век
Меж птиц и меж людей. И слушал
Его с большим вниманьем Серый Волк,
И мудрости его необычайной
Дивился, но, однако, всё за хвост
Его держал и иногда, чтоб он
Не забывался, мял его легонько
В когтистых лапах. Солнце село; ночь
Настала и прошла; и занялась
Заря, когда с живой водой и мёртвой
В двух пузырьках проворный воронёнок
Явился. Серый Волк взял пузырьки
И ворона отца пустил на волю.
Потом он с пузырьками подошёл
К лежавшему недвижимо Ивану
Царевичу: сперва его он мёртвой

Водою впрыснул — и в минуту рана
Его закрылася, окостенелость
Пропала в мёртвых членах, заиграл
Румянец на щеках; его он впрыснул
Живой водой — и он открыл глаза,
Пошевелился, потянулся, встал
И молвил: «Как же долго проспал я!» —
«И вечно бы тебе здесь спать, Иван
Царевич, — Серый Волк сказал, — когда б
Не я; теперь тебе прямую службу
Я отслужил; но эта служба, знай,
Последняя; отныне о себе
Заботься сам. А от меня прими
Совет и поступи, как я тебе скажу.
Твоих злодеев братьев нет уж боле
На свете; им могучий чародей
Кощей бессмертный голову обоим
Свернул, и этот чародей навёл
На ваше царство сон; и твой родитель
И подданные все его теперь
Непробудимо спят; твою ж царевну
С жар-птицей и конём Золотогривом
Похитил вор Кощей; все трое
Заклочены в его волшебном замке.
Но ты, Иван царевич, за свою
Невесту ничего не бойся; злой
Кощей над нею власти никакой
Иметь не может: сильный талисман
Есть у царевны; выйти ж ей из замка
Нельзя; её избавит только смерть
Кошеева, а как найти ту смерть, и я
Того не ведаю; об этом Баба
Яга одна сказать лишь может. Ты,
Иван царевич, должен эту Бабу
Ягу найти; она в дремучем, тёмном лесе,
В седом, глухом бору живёт в избушке
На курьих ножках; в этот лес ещё

Никто следа не пролагал; в него
Ни дикий зверь не заходил, ни птица
Не залетала. Разъезжает Баба
Яга по целой поднебесной в ступе,
Пестом железным погоняет, след
Метлою заметает. От неё
Одной узнаешь ты, Иван царевич,
Как смерть Кощееву тебе достать.
А я тебе скажу, где ты найдёшь
Коня, который привезёт тебя
Прямой дорогой в лес дремучий к Бабе
Яге. Ступай отсюда на восток:
Придёшь на луг зелёный; посреди
Его растут три дуба; меж дубами
В земле чугунная зарыта дверь
С кольцом; за то кольцо ты подыми
Ту дверь и вниз по лестнице сойди;
Там за двенадцатью дверями заперт
Конь богатырский; сам из подземелья
К тебе он выбежит; того коня
Возьми и с богом поезжай; с дороги
Он не собьётся. Ну, теперь прости,
Иван царевич; если бог велит
С тобой нам свидеться, то это будет
Не иначе, как у тебя на свадьбе».

И Серый Волк помчался к лесу; вслед
За ним смотрел Иван царевич с грустью;
Волк, к лесу подбежавши, обернулся,
В последний раз махнул издалека
Хвостом и скрылся. А Иван царевич,
Оборотившись, на восток лицом,
Пошёл вперёд. Идёт он день, идёт
Другой; на третий он приходит к лугу
Зелёному; на том лугу три дуба
Растут; меж тех дубов находит он
Чугунную с кольцом железным дверь;
Он подымает дверь; под тою дверью

Крутая лестница; по ней он вниз
Спускается, и перед ним внизу
Другая дверь чугунная ж, и крепко
Она замком висячим заперта.
И вдруг он слышит, конь заржал; и ржанье
Так было сильно, что с петлей сорвавшись,
Дверь наземь рухнула с ужасным стуком;
И видит он, что вместе с ней упало
Ещё одиннадцать дверей чугунных;
За этими чугунными дверями
Давным-давно конь богатырский заперт
Был колдуном. Иван царевич свистнул;
Почуяв седока, на молодецкий
Свист богатырский конь из стойла прынул,
И прибежал, лёгок, могуч, красив,
Глаза как звёзды, пламенные ноздри,
Как туча грива, словом, конь не конь,
А чудо. Чтоб узнать, каков он силой,
Иван царевич по спине его
Повёл рукой, и под рукой могучей
Конь захрапел и сильно пошатнулся,
Но устоял, копыта втиснув в землю;
И человеческим голосом Ивану
Царевичу сказал он: «Добрый витязь,
Иван царевич, мне такой, как ты,
Седок и надобен; готов тебе
Я верою и правдою служить;
Садися на меня, и с богом в путь наш
Отправимся; на свете все дороги
Я знаю; только прикажи, куда
Тебя везти, туда и привезу».
Иван царевич в двух словах коню
Всё объяснил и, севши на него,
Прикрикнул. И взвился могучий конь,
От радости заржавши, на дыбы;
Бьёт по крутым бедрам его седок;
И конь бежит, под ним земля дрожит;

Несётся выше он дерев стоячих,
Несётся ниже облаков ходячих,
И прядает через широкий дол,
И застигает узкий дол хвостом,
И грудью все заграды пробивает,
Летя стрелой и лёгкими ногами
Былиночки к земле не пригибая,
Пылиночки с земли не подымая.
Но, так скакав день целый, наконец
Конь утомился, пот с него бежал
Ручьями, весь был окружён, как дымом,
Горячим паром он. Иван царевич,
Чтоб дать ему вздохнуть, поехал шагом;
Уж было под вечер; широким полем
Иван царевич ехал и прекрасным
Закатом солнца любовался. Вдруг
Он слышит дикий крик; глядит... и что же?
Два Лешая дерутся на дороге,
Кусаются, брыкаются, друг друга
Рогами тычут. К ним Иван царевич
Подъехавши, спросил: «За что у вас,
Ребята, дело стало?» — «Вот за что, —
Сказал один: — три клада нам достались:
Драчун-дубинка, скатерть-самобранка
Да шапка-невидимка — нас же двое;
Как поровну нам разделиться? Мы
Заспорили, и вышла драка; ты
Разумный человек; подай совет нам,
Как поступить?» — «А вот как, — им Иван
Царевич отвечал. — Пущу стрелу,
А вы за ней бегите; с места ж, где
Она на землю упадёт, обратно
Пуститесь взапуски ко мне; кто первый
Здесь будет, тот возьмёт себе на выбор
Два клада; а другому взять один.
Согласны ль вы?» — «Согласны», — закричали
Рогатые; и стали рядом. Лук

Тугой свой натянув, пустил стрелу
Иван царевич: Лешие за ней
Помчались, выпуча глаза, оставив
На месте скатерть, шапку и дубинку.
Тогда Иван царевич, взяв под мышку
И скатерть и дубинку, на себя
Надел спокойно шапку-невидимку,
Стал невидим и сам и конь, и дал
Поехал, глупым Лешаям оставив
На произвол, начать ли снова драку
Иль помириться. Богатырский конь
Поспел ещё до захожденья солнца
В дремучий лес, где обитала Баба
Яга. И въехав в лес, Иван царевич

Дивится древности его огромных
Дубов и сосен, тускло освещённых
Зарёй вечернею; и всё в нём тихо:
Деревья все, как сонные, стоят,
Не колыхнётся лист, не шевельнётся
Былинка; нет живого ничего
В безмолвной глубине лесной, ни птицы
Между ветвей, ни в травке червяка;
Лишь слышится в молчанье повсеместном
Гремучий топот конский. Наконец
Иван царевич выехал к избушке
На курьих ножках. Он сказал: «Избушка,
Избушка, к лесу стань задом, ко мне
Стань передом». И перед ним избушка
Перевернулась; он в неё вошёл;
В дверях остановясь, перекрестился
На все четыре стороны, потом,
Как должно, поклонился и, глазами
Избушку всю окинувши, увидел,
Что на полу её лежала Баба
Яга, упёрши ноги в потолок
И в угол голову. Услышав стук
В дверях, она сказала: «Фу! фу! фу!
Какое диво! Русского здесь духу
До этих пор не слыхано слыхом,
Не видано видом, а нынче русский
Дух уж в очах свершается. Зачем
Пожаловал сюда, Иван царевич?
Неволею иль волею? Доныне
Здесь ни дубравный зверь не проходил,
Ни птица лёгкая не пролетала,
Ни богатырь лихой не проезжал;
Тебя как бог сюда занёс, Иван
Царевич?» — «Ах, безмозглая ты ведьма! —
Сказал Иван царевич Бабе
Яге. — Сначала накорми, напой
Меня ты, молодца; да постели

Постелю мне, да выспаться мне дай,
Потом расспрашивай». И тотчас Баба
Яга, поднявшись на ноги, Ивана
Царевича, как следует, обмыла
И выпарила в бане, накормила
И напоила, да и тотчас спать
В постелю уложила, так примолвив:
«Спи, добрый витязь; утро мудренее,
Чем вечер; здесь теперь спокойно
Ты отдохнёшь; нужду ж свою расскажешь
Мне завтра; я, как знаю, помогу».
Иван царевич, богу помолясь,
В постелю лёг и скоро сном глубоким
Заснул и проспал до полудня. Вставши,
Умывшись, одевшись, он Бабе
Яге подробно рассказал, зачем
Заехал к ней в дремучий лес; и Баба
Яга ему ответствовала так:
«Ах! Добрый молодец Иван царевич,
Затеял ты нешуточное дело;
Но не кручинься, всё уладим с богом;
Я научу, как смерть тебе Кощея
Бессмертного достать; изволь меня
Послушать: на море на Окиане,
На острове великом на Буяне
Есть старый дуб; под этим старым дубом
Зарыт сундук, окованный железом;
В том сундуке лежит пушистый заяц;
В том зайце утка серая сидит;
А в утке той яйцо; в яйце же смерть
Кощеева. Ты то яйцо возьми
И с ним ступай к Кощею, а когда
В его приедешь замок, то увидишь,
Что змей двенадцатиголовый вход
В тот замок стережёт; ты с этим змеем
Не думай драться, у тебя на то
Дубинка есть; она его уймёт.

А ты, надевши шапку-невидимку,
Иди прямой дорогою к Кощею
Бессмертному; в минуту он издохнет,
Как скоро ты при нём яйцо раздавишь.
Смотри лишь не забудь, когда назад
Поедешь, взять гусли самогуды:
Лишь их игрою только твой родитель
Демьян Данилович и всё его
Заснувшее с ним вместе государство
Пробуждены быть могут. Ну, теперь
Прости, Иван царевич; бог с тобою;
Твой добрый конь найдёт дорогу сам;
Когда ж свершишь опасный подвиг свой,
То и меня старуху помяни
Не лихом, а добром». Иван царевич,
Простившись с Бабою Ягою, сел
На доброго коня, перекрестился,
По-молодецки свистнул, конь помчался,
И скоро лес дремучий за Иваном
Царевичем пропал вдали, и скоро

Мелькнуло впереди чертою синей
На крае неба море Окиан.
Вот прискакал и к морю Окиану
Иван царевич. Осмотрясь, он видит,
Что у моря лежит рыбачий невод
И что в том неводе морская щука
Трепещется. И вдруг ему та щука
По-человечьи говорит: «Иван
Царевич, вынь из невода меня
И в море брось; тебе я пригожуся».
Иван царевич тотчас просьбу щуки
Исполнил, и она, хлестнув хвостом
В знак благодарности, исчезла в море.
А на море глядит Иван царевич
В недоумении; на самом крае,
Где небо с ним как будто бы слилось,
Он видит, длинной полосой остров
Буян чернеет; он и недалёк;
Но кто туда перевезёт? Вдруг конь
Заговорил: «О чём, Иван царевич,
Задумался? О том ли, как добратся
Нам до Буяна острова? Да что
За трудность? Я тебе корабль; седи
На мне, да крепче за меня держись,
Да не робей, и духом доплывём».
И в гриву конскую Иван царевич
Рукою впутался, крутые бёдра
Коня ногами крепко стиснул; конь
Рассвирепел и, раскакавшись, прынул
С крутого берега в морскую бездну;
На миг и он и всадник в глубине
Пропали; вдруг раздвинулася с шумом
Морская зыбь, и вынырнул могучий
Конь из неё с отважным седоком;
И начал конь копытами и грудью
Бить по водам и волны пробивать,
И вокруг него кипела, волновалась,

И пенилась, и брызгами взлетала
Морская зыбь, и сильными прыжками,
Под крепкие копыта загребая
Кругом ревущую волну, как лёгкий
На парусах корабль с попутным ветром,
Вперёд стремился конь, и длинный след
Шипящею бежал за ним змеёю;
И скоро он до острова Буяна
Доплыл и на берег его отлогий
Из моря выбежал, покрытый пеной.
Не стал Иван царевич медлить; он,
Коня пустив по шёлковому лугу
Ходить, гулять и травку медовую
Щипать, пошёл поспешным шагом к дубу,
Который рос у берега морского
На высоте муравчатого холма.
И, к дубу подошед, Иван царевич
Его шатнул рукою богатырской,
Но крепкий дуб не пошатнулся; он
Опять его шатнул — дуб скрипнул; он
Ещё шатнул его и сильнее,
Дуб покачнулся, и под ним коренья
Зашевелили землю; тут Иван царевич
Всею силою рванул его — и с треском
Он повалился, из земли коренья
Со всех сторон, как змеи, поднялися,
И там, где ими дуб впивался в землю,
Глубокая открылась яма. В ней
Иван царевич кованый сундук
Увидел; тотчас тот сундук из ямы
Он вытащил, висячий сбил замок,
Взял за уши лежавшего там зайца
И разорвал; но только лишь успел
Он зайца разорвать, как из него
Вдруг выпорхнула утка; быстро
Она взвилась и полетела к морю;
В неё пустил стрелу Иван царевич

И метко так, что пронизал её
Насквозь; закрикав, кувырнулась утка;
И из неё вдруг выпало яйцо,
И прямо в море; и пошло, как ключ,
Ко дну. Иван царевич ахнул; вдруг,
Откуда ни возьмись, морская щука
Сверкнула на воде, потом юркнула,
Хлестнув хвостом, на дно, потом опять
Всплыла и, к берегу с яйцом во рту
Тихохонько приближась, на песке
Яйцо оставила, потом сказала:
«Ты видишь сам теперь, Иван царевич,
Что я тебе в час нужный пригодилась».
С сим словом щука уплыла. Иван
Царевич взял яйцо; и конь могучий
С Буяна острова на твёрдый берег
Его обратно перенёс. И дале
Конь поскакал и скоро прискакал
К крутой горе, на высоте которой
Кошечин замок был; её подошва
Обведена была стеной железной;
И у ворот железной той стены
Двенадцатиголовый змей лежал;
И из его двенадцати голов
Всегда шесть спали, шесть не спали, днём
И ночью по два раза для надзора
Сменяясь; а в виду ворот железных
Никто и вдалеке остановиться
Не смел; змей подымался, и от зуб
Его уж не было спасенья — он
Был невредим и только сам себя
Мог умертвить: чужая ж сила сладить
С ним никакая не могла. Но конь
Был осторожен; он подвёз Ивана
Царевича к горе со стороны,
Противной воротам, в которых змей
Лежал и караулил; потихоньку

Иван царевич в шапке-невидимке
Подъехал к змею; шесть его голов
Во все глаза по сторонам глядели,
Разинув рты, оскалив зубы; шесть
Других голов на вытянутых шеях
Лежали на земле, не шевелясь,
И, сном объятые, храпели. Тут
Иван царевич, подтолкнув дубинку,
Висевшую спокойно на седле,
Шепнул ей: «Начинай!» Не стала долго
Дубинка думать, тотчас прыг с седла,
На змея кинулась, и ну его
По головам и спящим и неспящим
Гвоздить. Он зашипел, озлился, начал
Туда, сюда бросаться; а дубинка
Его себе колотит да колотит;
Лишь только он одну разинет пасть,
Чтобы её схватить — ан нет, прошу
Не торопиться, уж она
Ему другую чешет морду; все он
Двенадцать ртов откроет, чтоб её
Поймать, — она по всем его зубам,
Оскаленным как будто напоказ,
Гуляет и все зубы чистит; взыв
И все носы наморщив, он зажмёт
Все рты и лапами схватить дубинку
Попробует — она тогда его
Честит по всем двенадцати затылкам;
Змей в исступлении, как одурелый,
Кидался, выл, кувыркался, от злости
Дышал огнём, грыз землю — всё напрасно!
Не торопясь, отчётливо, спокойно,
Без промахов, над ним свою дубинка
Работу продолжает и его,
Как на току усердный цеп, молотит;
Змей, наконец, озлился так, что начал
Грызть самого себя и, когти в грудь

Себе вдруг запустив, рванул так сильно,
Что разорвался надвое и, с визгом
На землю грянувшись, издох. Дубинка
Работу и над мёртвым продолжать
Свою, как над живым, хотела; но
Иван царевич ей сказал: «Довольно!»
И вмиг она, как будто не бывала
Ни в чём, повисла на седле. Иван
Царевич, у ворот коня оставив
И разостлавши скатерть-самобранку
У ног его, чтоб мог усталый конь
Наесться и напиться вдоволь, сам
Пошёл, покрытый шапкой-невидимкой,
С дубинкою на всякий случай и с яйцом
В Кощеев замок. Трудновато было
Карабкаться ему на верх горы;
Вот наконец добрался и до замка
Кощеева Иван царевич. Вдруг
Он слышит, что в саду недалеко
Играют гусли-самогуды; в сад
Вошедши, в самом деле он увидел,
Что гусли на дубу висели и играли
И что под дубом тем сама Елена
Прекрасная сидела, погрузившись
В раздумье. Шапку-невидимку снявши,
Он тотчас ей явился и рукою
Знак подал, чтоб она молчала. Ей
Потом он на ухо шепнул: «Я смерть
Кощееву принёс; ты подожди
Меня на этом месте; я с ним скоро
Управлюся и возвращусь; и мы
Немедленно уедем». Тут Иван
Царевич, снова шапку-невидимку
Надев, хотел идти искать Кощея
Бессмертного в его волшебном замке,
Но он и сам пожаловал. Приблизясь,
Он стал перед царевною Еленой

Прекрасною и начал попрекать ей
Её печаль и говорить: «Иван
Царевич твой к тебе уж не придёт;
Его уж нам не воскресить. Но чем же
Я не жених тебе, скажи сама,
Прекрасная моя царевна? Полно ж
Упрямиться, упрямство не поможет;
Из рук моих оно тебя не вырвет;
Уж я...» Дубинке тут шепнул Иван
Царевич: «Начинай!» И принялась
Она трепать Кощею спину. С криком,
Как бешеный, коверкаться и прыгать
Он начал, а Иван царевич, шапки
Не сняв, стал приговаривать: «Прибавь,
Прибавь, дубинка; поделом ему,
Собаке: не воруй чужих невест;
Не докучай своею волчьей харей
И глупым сватовством своим прекрасным
Царевнам; злого сна не наводи
На царства! Крепче бей его, дубинка!» —
«Да где ты! Покажись! — кричал Кощей. —
Кто ты таков?» — «А вот кто!» — отвечал
Иван царевич, шапку-невидимку
Сняв с головы своей, и в то ж мгновенье
Ударил оземь он яйцо; оно
Разбилось вдребезги; Кощей Бессмертный
Перекувырнулся и околел.
Иван царевич из саду с царевной
Еленою Прекрасной вышел, взять
Не позабывши гусли-самогуды,
Жар-птицу и коня Золотогрива.
Когда ж они с крутой горы спустились
И, севши на коней, в обратный путь
Поехали, гора, ужасно затрещав,
Упала с замком, и на месте том
Явилось озеро, и долго чёрный
Над ним клубился дым, распространяясь

По всей окрестности с великим смрадом.
Тем временем Иван царевич, дав
Коням на волю их везти, как им
Самим хотелось, весело с прекрасной
Невестой ехал. Скатерть-самобранка
Усердно им дорогою служила,
И был всегда готов им вкусный завтрак,
Обед и ужин в надлежащий час:
На мураве душистой утром, в полдень
Под деревом густовершинным, ночью
Под шёлковым шатром, который был
Всегда из двух отдельных половин
Составлен. И за каждой их трапезой
Играли гусли-самогуды; ночью
Светила им жар-птица, а дубинка
Стояла на часах перед шатром;
Кони же, подружась, гуляли вместе,
Катались по бархатному лугу,
Или траву росистую щипали,
Иль, голову кладя поочерёдно
Друг другу на спину, спокойно спали.

Так ехали они путём-дорогой
И наконец приехали в то царство,
Которым властвовал отец Ивана
Царевича, премудрый царь Демьян
Данилович. И царство всё, от самых
Его границ до царского дворца,
Объято было сном непробудимым;
И где они ни проезжали, всё
Там спало; на поле перед сохой
Стояли спящие волы; близ них
С своим бичом, взмахнутым и заснувшим
На взмахе, пахарь спал; среди большой
Дороги спал ездок с конём, и пыль,
Поднявшись, сонная, недвижным клубом,
Стояла; в воздухе был мёртвый сон;
На деревьях листья дремали молча;
И в ветвях сонные молчали птицы;
В селеньях, в городах всё было тихо,
Как будто в гробе: люди по домам,
На улицах, гуляя, сидя, стоя,
И с ними всё: собаки, кошки, куры,
В конюшнях лошади, в закутах овцы,
И мухи на стенах, и дым в трубах,
Всё спало. Так в отцовскую столицу
Иван царевич напоследок прибыл
С царевною Еленою Прекрасной,
И, на широкий въехав царский двор,
Они на нём лежащие два трупа
Увидели: то были Клим и Пётр
Царевичи, убитые Кощеем.
Иван царевич, мимо караула,
Стоявшего в параде сонным строем,
Прошед, по лестнице повёл невесту
В покои царские. Был во дворце,
По случаю прибытия двух старших
Царёвых сыновей, богатый пир
В тот самый час, когда убил обоих

Царевичей и сон на весь народ
Навёл Кощей: весь пир в одно мгновенье
Тогда заснул, кто как сидел, кто как
Ходил, кто как плясал; и в этом сне
Ещё их всех нашёл Иван царевич;
Демьян Данилович спал стоя; подле
Царя храпел министр его двора
С открытым ртом, с неконченным во рту
Докладом; и придворные чины,
Все вытянувшись, сонные стояли
Перед царём, уставив на него
Свои глаза, потухшие от сна,
С подобострастием на сонных лицах,
С заснувшею улыбкой на губах.
Иван царевич, подошед с царевной
Еленою Прекрасною к царю,
Сказал: «Играйте, гусли-самогуды».
И заиграли гусли-самогуды...
Вдруг всё очнулось, всё заговорило,
Запрыгало и заплясало; словно
Ни на минуту не был прерван пир.
А царь Демьян Данилович, увидя,
Что перед ним с царевною Еленою
Прекрасною стоит Иван царевич,
Его любимый сын, едва совсем
Не обезумел: он смеялся, плакал,
Глядел на сына, глаз не отводя,
И целовал его и миловал,
И напоследок так развеселился,
Что руки в боки, и пошёл плясать
С царевною Еленою Прекрасной.
Потом он приказал стрелять из пушек,
Звонить в колокола и бирючам¹
Столице возвестить, что возвратился

¹ Б и р ю ч, или г л а ш а т а й, — в старину так назывался человек, громким голосом объявлявший на улицах и площадях распоряжения правительства.

Иван царевич, что ему полцарства
Теперь же уступает царь Демьян
Данилович, что он наименован
Наследником, что завтра брак его
С царевною Еленою свершится
В придворной церкви и что царь Демьян
Данилович весь свой народ зовёт
На свадьбу к сыну, всех военных, статских ¹,
Министров, генералов, всех дворян
Богатых, всех дворян мелкопоместных,
Купцов, мещан, простых людей и даже
Всех нищих. И на следующий день
Невесту с женихом повёл Демьян
Данилович к венцу; когда же их
Перевенчали, тотчас поздравленье
Им принесли все знатные чины
Обоих полов; а народ на площади
Дворцовой той порой кипел, как море;
Когда же вышел с молодыми царь
К нему на золотой балкон, от крика:
*«Да здравствует наш государь Демьян
Данилович с наследником Иваном
Царевичем и с дочерью царевной
Еленою Прекрасною!»* все зданья
Столицы дрогнули, и от взлетевших
На воздух шапок божий день затмился.
Вот на обед все званные царём
Сошлись гости — вся его столица;
В домах остались одни больные
Да дети, кошки и собаки. Тут
Своё проворство скатерть-самобранка
Явила: вдруг она на целый город
Раскинулась; сама собою площадь
Уставилась столами, и столы
По улицам в два ряда протянулись;

¹ С т а т с к и й — невоенный, гражданский служащий.

На всех столах сервиз был золотой,
И не стекло — хрусталь; а под столами
Шелковые ковры повсюду были
Разостланы; и всем гостям служили
Гайдуки¹ в золотых ливреях. Был
Обед такой, какого никогда
Никто не слыхивал: уха, как жидкий
Янтарь, сверкавшая в больших кастрюлях;
Огромно-жирные, длиною в сажень,
Из Волги стерляди на золотых
Узорных блюдах; кулебяка с сладкой
Начинкою, с груздями гуси, каша
С сметаною, блины с икрою свежей
И крупной, как жемчуг, и пироги
Подовые, потопленные в масле;
А для питья шипучий квас в хрустальных
Кувшинах, мартовское пиво, мёд
Душистый и вино из всех земель:
Шампанское, венгерское, мадера
И ренское и всякие наливки —
Короче молвить, скатерть-самобранка
Так отличилась, что было чудо.
Но и дубинка не лежала праздно:
Вся гвардия была за царский стол

¹ Г а й д у к и — лакеи, слуги. В гайдуки брали очень высоких людей. Одетые в нарядную одежду — ливрею, они обычно прислуживали господам во время обеда или стояли на запятках кареты, в которой ехал их хозяин.

Приглашена, вся даже городская
Полиция — дубинка молодецки
За всех одна служила: во дворце
Держала караул; она ж ходила
По улицам, чтоб наблюдать везде
Порядок: кто ей пьяный нападался,
Того она толкала в спину прямо
На съезжую¹, кого ж в пустом где доме
За кражею она ловила, тот
Был так отшлёпан, что от воровства
Навеки отрекался и вступал
В путь добродетели, — дубинка, словом,
Неимоверные во время пира
Царю, гостям и городу всему
Услуги оказала. Между тем
Всё во дворце кипело, гости ели
И пили так, что с их румяных лиц
Катился пот; тут гусли-самогуды
Явили всё усердие своё:
При них не нужен был оркестр, и гости
Уж музыки наслышались такой,
Какая никогда им и во сне
Не грезилась. Но вот, когда, наполнив
Вином задравный кубок, царь Демьян
Данилович хотел провозгласить
Сам многолетье новобрачным, громко
На площади раздался трубный звук;
Все изумились, все оторопели;
Царь с молодыми сам идёт к окну,
И что же их является очам?
Карета в восемь лошадей (трубач
С трубою впереди) к крыльцу дворца
Сквозь улицу толпы народной скачет;
И та карета золотая; козлы
С подушкою и бархатным покрыты

¹ Съезжая — место при полицейском управлении, где наказывали розгами простой народ.

Намётом¹; назади шесть гайдуков;
Шесть скороходов по бокам; ливреи
На них из серого сукна, по швам
Басоны²; на каретных дверцах герб³;
*В червлёном⁴ поле волчий хвост под графской
Короною.* В карету заглянув,
Иван царевич закричал: «Да это
Мой благодетель Серый Волк!» Его
Встречать бегом он побежал. И точно,
Сидел в карете Серый Волк; Иван
Царевич, подскочив к карете, дверцы
Сам отворил, подножку сам откинул
И гостя высадил; потом он, с ним
Поцеловавшись, взял его за лапу,
Ввёл во дворец и сам его царю
Представил. Серый Волк, отдав поклон
Царю, осанисто на задних лапах
Всех обошёл гостей, мужчин и дам,
И всем, как следует, по комплименту
Приятному сказал; он был одет
Отлично: красная на голове
Ермолка с кисточкой, под морду лентой
Подвязанная; шёлковый платок
На шее; куртка с золотым шитьём;
Перчатки лайковые с бахромою;
Перепоясанные тонкой шалью
Из алого атласа шаровары;
Сафьянные на задних лапах туфли,
И на хвосте серебряная сетка
С жемчужной кистью — так был Серый Волк
Одет. И всех своим он обхождением

¹ Намёт — узорное украшение.

² Басоны — тесьма, которой для украшения обшивалась одежда слуг в барских домах.

³ Герб — щит, на котором изображались знаки, присвоенные государству, городу или отдельному дворянскому роду.

⁴ Червлёный — красный.

Очаровал; не только что простые
Дворяне маленьких чинов и средних,
Но и чины придворные, статс-дамы
И фрейлины¹ все были от него
Как без ума. И, гостя за столом
С собою рядом посадив, Демьян
Данилович с ним кубком в кубок стукнул
И возгласил здоровье новобрачным,
И пушечный заздравный грянул залп.
Пир царский и народный продолжался
До тёмной ночи; а когда настала
Ночная тьма, жар-птицу на балконе
В её богатой клетке золотой
Поставили, и весь дворец, и площадь,
И улицы, кипевшие народом,
Яснее дня жар-птица осветила.
И до утра столица пиновала.
Был ночевать оставлен Серый Волк;
Когда же на другое утро он,
Собравшись в путь, прощаться стал с Иваном
Царевичем, его Иван царевич
Стал уговаривать, чтоб он у них
Остался на житьё, и уверял,
Что всякую получит почестъ он,
Что во дворце дадут ему квартиру,
Что будет он по чину в первом классе,
Что разом все получит ордена,
И прочее. Подумав, Серый Волк
В знак своего согласия Ивану
Царевичу дал лапу, и Иван
Царевич так был тронут тем, что лапу
Поцеловал. И во дворце стал жить
Да поживать по-царски Серый Волк.
Вот наконец по долгом, мирном, славном

¹ С т а т с - д а м а , ф р е й л и н а — придворные звания, которые давались знатым женщинам, приближённым цариц и королев.

Владычестве премудрый царь Демьян
Данилович скончался; на престол
Взошёл Иван Демьянович; с своей
Царицей он до самых поздних лет
Достигнул, и господь благословил
Их многими детьми; а Серый Волк
Душою в душу жил с царём Иваном
Демьяновичем, нянчился с его
Детьми, сам, как дитя, резвился с ними.
Меньшим рассказывал нередко сказки,
А старших выучил читать, писать
И арифметике, и им давал
Полезные для сердца наставленья.
Вот напоследок, царствовав премудро,
И царь Иван Демьянович скончался;
За ним последовал и Серый Волк
В могилу. Но в его нашлись бумагах
Подробные записки обо всём,
Что на своём веку в лесу и свете
Заметил он, и мы из тех записок
Составили правдивый наш рассказ.

Цена 9 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В 1968 году в серии «Книга за книгой» вышли и выходят следующие произведения русских писателей-классиков:

МУМУ. Тургенев И.

Рассказ.

МАЛЫШ И ЖУЧКА. Дмитриева В.

Рассказ.

ДЕТСТВО ИЛЬИ. Горький М.

Рассказы.

Для младшего школьного возраста

Жуковский Василий Андреевич

СКАЗКА ОБ ИВАНЕ ЦАРЕВИЧЕ И СЕРОМ ВОЛКЕ

Ответственный редактор Г. И. Гусева. Художественный редактор С. И. Нижняя. Технический редактор Л. Н. Костинова. Корректор Т. Ф. Юдичева. Сдано в набор 27/V 1968 г. Подписано к печати 10/IX 1968 г. Формат 60×90^{1/16}. Печ. л. 3. (Уч.-изд. л. 2,55) Тираж 300 000 экз. ТП 1968 г. № 154. Бум. № 2. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.

Полиграфкомбинат детской литературы Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Заказ № 453.